

Поэтическая критика

В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ «ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИРЫ»

Михаил БОГАТЫРЁВ (ФРАНЦИЯ)

НА КРАЮ БЕСПРЕДМЕТНОГО МИРА

О сборнике стихов Юрия Михайличенко «Страх Стих»

Юрий Михайличенко. Страх Стих. – Київ, Друкарський двір Олега Федорова, 2024 – 176 с.

Юрий Михайличенко – поэт, музыкант, автор и исполнитель песен; в 1990-х, после окончания киевского Университета театра и кино, он переехал в Испанию. Ю. Михайличенко – арт-директор кафе-театра «Llanitol» и организатор поэтического фестиваля «Arka-Fest» (Барселона), лауреат «Эмигрантской лиры-2017», обладатель нескольких «Гран-при» международных музыкальных фестивалей.

В аннотации к поэтической книге «Страх Стих» автор сборника назван поэтом-импрессионистом. Утверждение небесспорное, хотя и не лишённое некоторых оснований. Понятие «импрессионизм», позаимствованное стиховедением у критиков живописи, подразумевает, что лирика такого типа создается посредством аккумуляции мимолетных впечатлений на основе так называемого «пассивного отношения к миру» (Г. Метерлинк, И. Анненский). Однако первое, что притягивает внимание к поэзии Ю. Михайличенко – это вовсе не импрессионистские настроения, а усеченная строфика и скупой, лапидарный лексический строй:

сухие листья о крышу
это то, что я слышу
(«гроза», с. 99)

Миша возил товар
яйца, овощи, мясо
в город, и торговал
недалеко от трассы
(«Миша», с. 98)

Здесь, скорее, прослеживается родство с представителями позднего пост-авангарда (А. Очеретянский) или, ещё глубже, с

обэриутами, но в отличие, скажем, от Даниила Хармса, Михайличенко намеренно избегает фантастических образов и умозрительных парадоксов. Для того, чтобы заявить о каталепсии времени и показать охваченную развеществлением душу своего лирического героя, ему вовсе не нужны падающие из окна старухи. Реальность сама по себе сжимается в точку, и её дегенеративная простота оказывается гораздо страшнее – и ёмче – любых фантазмагорий (сборник не случайно называется «Страх Страх»): «и не важно, где и кто ты / в межпланетной тесноте / жизнь – огромные пустоты / пустота на пустоте» («пустоты», с. 48). Или:

бельё сохнет долго
сердце стареет в потёмках
(«не за горами» с. 165)

Действительно, возникает соблазн сблизить поэтику Юрия Михайличенко с импрессионистическими «Романсами без слов» Поля Верлена (1874)¹, но с одной оговоркой: читать Верлена следует не в переводах И. Анненского, а в подаче Г. Шенгелия («Светлые трубки, / Пиво, табак; / Служанок юбки / Дразнят гуляк»)². Спрессованному и усечённому словарю Юрия Михайличенко совершенно чужды бархатные узоры стиля, сплетаемые Анненским («О, развеяться в шёпоте елей... / Или ждать, чтоб мечты и печали / Это сердце совсем закачали / И, заснувши... скатиться с качелей?»)³. Простейшие действия в «страх-стихах» принимают характер психоделических циклов, в результате которых их субъекты возносятся в небо, как влюбленные на картинах Шагала:

мы с тобой смеялись громко
ты всё падала с кровати
<...>
и обнявшись крепче дуба
мы летели над церквями
(«о том как Лена падала с кровати» с. 77)

Несомненно, элемент импрессионизма присутствует в поэзии Ю. Михайличенко, но он словно бы спрятан среди других стилистических формаций. Представьте себе сермяжную народную правду А.Н. Некрасова, транслонированную в регистр пост-футуристической

- 1 «Романсы без слов», написанные Верленом в тюрьме, куда он попал за попытку покушения на жизнь А. Рембо, считаются вершиной его творчества. Название отсылает читателя к сборнику фортепианных пьес Ф. Мендельсона.
- 2 П. Верлен. Валькур (пер. Г. Шенгелия).
- 3 П. Верлен. Начертания ветхой триоди... (пер. И. Анненского).

изъяснительности, в котором какая-нибудь одна сиюминутно ухваченная деталь (например, «гакающее» произношение пассажиров поезда, услышанное сквозь сон) разрастается до размеров вечности:

и дрёма в поезде
где люди «гакают»
земли распиленной
границы строгие

дороги узкие
ухабы сельские
меня из Кракова
везли в Словакию
автобус вечности
в утробе матери
и экскаваторы
жуют обочины
(«Краков», с. 133)

Лирический герой сборника «Страх Стих» постоянно пребывает в процессе объективации, его ирония строго дозирована, такт за тактом, как музыка. Осуществляя короткие «назывные шаги», он движется, но не по ступеням, а словно бы в каркасе беспредметного мира –

там за дверью скелеты
там паром через реку
а на том берегу
смотрит бабушка строго
вечно мамы нет дома
вечно ноги в снегу
(«бесконечная пыль», с. 47)